

Ци Хао, едва увидев Гу Чу, просиял, но тут же его лицо омрачилось тревогой. Линь Жован, встретившись с Гу Чу взглядом, прищурил свои узкие глаза.

Гу Чу вдруг показалось, что разыгрываемая перед ним сцена выглядит довольно нелепо. Он поднял руку, указывая на вход, и произнес негромким, но отчетливо слышным голосом:

— Когда я только вошел, то заметил у дверей нескольких папарацци.

Эта фраза заставила двух катавшихся по полу людей мгновенно замереть.

Цзин Шао разжал пальцы, вцепившиеся в воротник Сюй Ина, и уже собрался подняться, как тот внезапно навалился на него всем весом и ударил кулаком в висок.

— Ах ты... — Цзин Шао, разъяренный, замахнулся в ответ, но Ци Хао успел оттащить Сюй Ина в сторону. Юноша с тяжелым слоем макияжа на глазах смотрел на него горящим, как пламя, взглядом. Его шатало, и было очевидно, что он еще не пришел в себя.

— В следующий раз смотри, с кем связываешься, — Цзин Шао вытер уголок губ, поморщился от боли и холодно бросил Сюй Ину: — Не лезь ко всем подряд, как дворовый пес, едва завидев человека!

— Это все равно лучше, чем быть тем, кто, не имея ни капли таланта, мастерски умеет лишь срывать злость на других, — Линь Жован, засунув руки в карманы брюк, искоса взглянул на Цзин Шао с небрежной усмешкой.

— Повтори, что ты сейчас сказал! — Цзин Шао, доведенный до белого каления, процедил слова сквозь зубы.

— Молодой господин. — Мужчина в черном костюме шагнул вперед, преграждая Цзин Шао путь. Он опустил глаза, но смысл его жеста был предельно ясен.

Цзин Шао, метая искры из глаз, впился взглядом в мужчину. Спустя мгновение он резко вскинул руку и отвесил тому пощечину. Раздался хлесткий звук, и голова мужчины дернулась в сторону.

Гу Чу наблюдал, как Цзин Шао развернулся и, окруженный молчаливой свитой в черном, зашагал прочь. В тот момент, когда они поравнялись, Гу Чу ощутил на себе тяжелый, словно осязаемый взгляд Цзин Шао, а до его слуха донесся приглушенный голос телохранителя:

— Старший господин... пора возвращаться...

Как только Цзин Шао со своей свитой покинул заведение, из углов начали робко появляться

люди. Со стороны Сюй Ина донесся грохот опрокинутого стола.

Ци Хао и еще несколько парней подхватили Сюй Ина под руки, пытаясь усадить на стул, но тот оттолкнул их. Его глаза затуманились алкоголем — вся боевая прыть испарилась, и он вновь погрузился в состояние пьяного забытья.

— Гу Чу, иди сюда, помоги! — крикнул Ци Хао, удерживая Сюй Ина за плечи, чтобы тот не свалился.

Гу Чу молча посмотрел на пьяного парня, подошел и крепко сжал его плечо.

— Ты пьян. Не дергайся, — холодно сказал он.

Мужчина дернулся, но, поняв, что не может вырваться, растерянно поднял голову, глядя на руку, лежащую у него на плече.

— Гу Чу... — глаза Сюй Ина все еще были затянуты туманом, но голос прозвучал неожиданно четко, без малейшего намека на опьянение. Помолчав секунду, юноша вдруг расплылся в лучезарной улыбке. Однако кровь, стекающая со лба, залила половину его лица, а черный грим, смешавшись с ней, сделал эту улыбку жутковатой.

Тем не менее, он наконец затих.

— Что здесь произошло? — спросил Гу Чу, переводя взгляд на Ци Хао.

Ци Хао горько усмехнулся:

— У него в последнее время скверное настроение. Сегодня напился, начал хватать людей и допытываться, почему они не соглашаются. Его послали куда подальше, он полез в драку. Потом столкнулся с Цзин Шао, кажется, упомянул твоё имя, а Цзин Шао его высмеял. Ну и... — Ци Хао замялся и кивнул на Линь Жована, стоявшего в стороне со скрещенными на груди руками. — Он подколот Цзин Шао насчет того, что тот не получил главную роль в Летних светлячках, Цзин Шао огрызнулся, Сюй Ин ударил его, а дальше ты сам все видел.

Гу Чу знал, что Тяньюй отправила немало актеров на пробы к фильму Ду Цзыюя, но он не ожидал, что среди них окажется Цзин Шао. Впрочем, какая разница? Гу Чу не собирался становиться мишенью для его нелепой ярости.

Он перевел взгляд на Линь Жована, чьи губы были тронуты усмешкой, и сузил глаза. Этот человек вроде бы встал на сторону Сюй Ина, но на самом деле лишь наблюдал за представлением, наслаждаясь хаосом. Если бы не его провокационные слова, драки бы не случилось.

— Ого, стоило мне отойти на пару минут, как здесь уже такое творится? — с лестницы донесся насмешливый голос.

Притворяется! Дальше некуда! Неужели он не слышал такого шума? — пронеслось в головах у присутствующих.

Человек неспешно спускался по темной лестнице, словно прогуливался. Тусклый свет постепенно выхватывал из тени его фигуру, пока не открыл глубокие черты лица и благородный, изящный облик.

— О, режиссер Ду, откуда вы здесь? — вовремя сориентировался Ци Хао.

Ду Цзыюй сдержанно кивнул:

— Договорился здесь о встрече с другом. Но скажите-ка, певец Ци, что за спектакль вы тут устроили?

Ци Хао запнулся, но вперед вышел Линь Жован:

— Не стоит беспокойства, режиссер Ду. Менеджер Фэй... — он окликнул кого-то у барной стойки, и из тени показался человек. — Прошу прощения за доставленные неудобства. Подсчитайте ущерб, нанесенный бару, и сообщите нам. Мы все оплатим.

Невозмутимый голос ответил:

— Хорошо, вы же постоянные клиенты, договоримся.

Ду Цзыюй подошел к Гу Чу, задержал взгляд на его руке, все еще лежащей на плече Сюй Ина, и тихо произнес:

— Не ожидал, что ты так о нем заботаешься. Разве ты не отказался петь с ним дуэтом?

Гу Чу не знал, как объяснить охватившее его необъяснимое чувство вины перед Сюй Ином, поэтому промолчал. Сюй Ин притих, но его тело продолжало раскачиваться, а голова то и дело опускалась — видимо, он засыпал. Ци Хао, заметив это, помог Гу Чу поднять парня:

— Сюй Ин успокоился только рядом с тобой. Не мог бы ты отвезти его домой?

Гу Чу вспомнил, что они живут на одном этаже, и кивнул, собираясь подхватить его под руки.

Ду Цзыюй, увидев это, метнул быстрый взгляд на них и решительно перехватил Сюй Ина:

— Мы с Сюй Ином в хороших отношениях, так что помочь ему — мой долг. Я сам.

Ци Хао опешил, подумав: когда это он успел так измениться? Затем он посмотрел на спокойное лицо Гу Чу и вспомнил недавние громкие новости. Неужели все дело в нем?

Линь Жован, наблюдая за этой сценой, загадочно улыбнулся.

— Где его машина? — спросил Гу Чу у Ци Хао.

Ци Хао пошарил в карманах Сюй Ина, достал ключи и протянул их Гу Чу:

— Машина на соседней парковке.

Линь Жован решил, что Ци Хао и Ду Цзыюя вполне хватит, чтобы довести Сюй Ина, а остальные пусть останутся и помогут менеджеру Фэю навести порядок. Поэтому Ци Хао и Ду Цзыюй отправились на парковку, а Гу Чу пошел вперед, чтобы найти машину.

Зал бара находился на цокольном этаже. Пройдя через служебный коридор и миновав запасной выход, можно было попасть на парковку. Из-за потасовки большинство гостей уже ушли, так что машин было немного.

Гу Чу не знал, как выглядит машина Сюй Ина, поэтому встал у входа и нажал на кнопку ключа. Услышав резкий звуковой сигнал, он направился к черному Ауди.

Он шел по пустому проходу, и звук его каблучков гулким эхом разносился по подземной парковке, словно ударяя в самое сердце. Позади снова открылась железная дверь, и донесся приглушенный голос Ци Хао:

— Эй, помедленнее...

Внезапно в конце прохода вспыхнули ослепительные фары, и в ушах Гу Чу взорвался оглушительный рев мотора. Он обернулся и увидел два световых пятна, стремительно несущихся на него. В следующую секунду он почувствовал, как кто-то с силой толкнул его в сторону, и он рухнул на бетон. На него навалилось что-то теплое, прижавшись к спине, а у самого уха раздался болезненный стон.

Гу Чу не успел прийти в себя, как сзади раздался крик Ци Хао, а затем — топот бегущих ног.

— Что случилось? О чем задумался? — прозвучал напротив низкий, бархатный голос.

Гу Чу очнулся, продолжил чистить яблоко, но поднял глаза на человека, лежавшего на больничной койке.

Ду Цзыюй все с той же полуулыбкой в правой руке держал яблоко, с хрустом откусывая куски, а левой листал книгу, лежавшую на одеяле. Встретив взгляд Гу Чу, он усмехнулся:

— Продолжай, я почти доел.

Телосложение у Ду Цзыюя было крепким, и даже в больничной пижаме он не выглядел тщедушным. Правда, сейчас ему было не до движений: загипсованная нога была подвешена на растяжках, и за несколько дней лежания в кровати его волосы порядком растрепались, а лицо приобрело нездоровую бледность.

Гу Чу нахмурился:

— Ты съел уже шестое яблоко за сегодня. Скоро снова придется идти в туалет.

Ду Цзыюй развеселился:

— Ничего, ты же рядом.

Гу Чу вмиг позеленел и чуть не запустил яблоком в лицо наглецу.

В тот день на парковке Ду Цзыюй оттолкнул его с пути машины, но сам получил перелом голени. Гу Чу был бесконечно благодарен за спасение, поэтому, когда тот с улыбкой предложил: Спасение жизни — долг чести, как насчет того, чтобы отплатить своей персоной? Ой-ой-ой, не уходи, я шучу! Раз уж я теперь не могу даже встать с кровати, не мог бы ты присмотреть за мной? — он без колебаний согласился.

Хотя, говоря это, Ду Цзыюй улыбался, на его лице все же промелькнула тень боли.

В первый день Ду Цзыюй с подвешенной ногой только и делал, что дразнил Гу Чу, называя его то Гу-Гу, то Чу-Чу. Несмотря на мрачный вид Гу Чу, он не унимался. Но после обеда он вдруг замолчал, его лицо то бледнело, то краснело. Гу Чу решил, что это какая-то новая игра, и целый час не обращал на него внимания. В итоге Ду Цзыюй не выдержал, замялся и попросил помочь дойти до туалета.

Гу Чу стал для него живым костылем, поддерживая, пока тот прыгал до уборной и обратно. После этого они долго молчали. Гу Чу не хотел начинать разговор, а Ду Цзыюй чувствовал себя неловко.

Но спустя несколько дней он, словно что-то для себя решив, окончательно отбросил стеснение.

— Чу-Чу, я хочу в туалет~ — тянул он с игривыми нотками в голосе, отчего у Гу Чу по коже бежали мурашки.

— Ой, я не могу стоять, может, поддержишь меня? А то вдруг упаду?

— ...

— Гу-Гу? Чу-Чу? Я не могу стоять! Правда, не могу!

— ...

— Может, поддержишь мою ногу? Стоя мне больно, ужасно больно, до самого сердца!

— ...Тогда сиди!

— У меня нога не сгибается! Я не могу сесть!

— ...

Меньше чем за неделю Гу Чу почувствовал, что постарел лет на тридцать.

Пока Ду Цзыюй был в больнице, двое молодых полицейских несколько раз приходили к ним, чтобы уточнить детали происшествия.

— Владелец той машины в тот вечер был в баре, у него есть алиби. Виновник, скорее всего, угнал машину в тот же вечер, чтобы сбить вас, а после сразу скрылся и бросил авто на улице Хуалянь. Мы просмотрели записи с камер видеонаблюдения на соседних улицах, но на нем была маска, лицо разглядеть не удалось, — старший из полицейских говорил официальным тоном. Затем он повернулся к Гу Чу, который чистил яблоко: — Господин Гу, очевидно, что целью были вы. У вас есть какие-нибудь соображения?

Рука Гу Чу на секунду замерла. В голове мелькнуло чье-то лицо, но внешне он остался невозмутим. Снова медленно потекла тонкая красная полоска кожи, падая на его белые, тонкие пальцы с четко очерченными суставами — зрелище было почти эстетичным.

Гу Чу покачал головой:

— С моей нынешней репутацией у меня немало недоброжелателей, но чтобы кто-то желал мне смерти... — он запнулся, изобразив на лице искреннее недоумение, — право, не знаю.

Второй полицейский тут же спросил:

— А не обижали ли вы кого-нибудь в последнее время? Если укажете направление, это сильно поможет следствию. — В его глазах читалось неприкрытое любопытство.

Гу Чу встретился с ним взглядом и честно ответил:

— Прошу прощения, но у меня нет идей. Как я и сказал, все конфликты в последнее время были связаны исключительно с актерскими ролями...

Он не стал продолжать, но полицейские все поняли. Они посидели еще немного, задали пару пустых вопросов и через полчаса ушли.

— Эй, Ван, ты посмотри, что о них пишут! А эти двое в больнице живут припеваючи, Гу Чу еще и за этим Ду Цзыюем ухаживает. Ты думаешь... — в коридоре молодой полицейский подался к уху старшего и с возбужденным шепотом добавил: — А не в таких ли они отношениях?

Не успел он договорить, как получил увесистый подзатыльник. Ван прищурился, прижал голову парня к стене и прошипел:

— Ты чем думаешь? Наше дело — расследовать. Кто мне вчера ныл, что работы слишком много? А теперь на сплетни время есть? Раз такой свободный, пиши отчет за последние дни!

— Ай! Ван, ты не можешь так со мной поступать!

В палате Ду Цзыюй взял очищенное яблоко и серьезно посмотрел на Гу Чу:

— У тебя в последнее время что, черная полоса? Сначала фото, теперь авария... — он задумался. — А в отеле, в тот раз, тоже что-то случилось?

В тот день, когда Гу Чу непонятно почему вырубил его в номере, Ду Цзыюй проснулся, обнаружив, что ничего не пропало — ни деньги, ни достоинство. Естественно, действия Гу Чу вызвали вопросы. Позже, случайно увидев новости о Фан Цзин и название отеля, он начал кое-что подозревать.

Ду Цзыюй потер подбородок, и уголки его губ дернулись в лукавой усмешке:

— Похоже, кто-то не жалеет сил, чтобы втоптать тебя в грязь. Раз так, может, сдашься мне и сделаешь эти слухи правдой? Иначе же обидно!

Гу Чу бросил на него взгляд, но не успел ничего ответить — дверь с грохотом распахнулась.

— Ду Цзыюй! — раздался звонкий детский голос. — Какую гадость ты опять натворил, что тебя

сбили?

Лицо Ду Цзыюя почернело, и он прорычал:

— Ду Цзытэн, ты нарываешься?!

Ду Цзытэн? У Гу Чу перехватило дыхание, он невольно обернулся. В дверях стоял пухлый мальчик в белой футболке и комбинезоне, надув щеки. Его полные ненависти глаза были устремлены на Ду Цзыюя.

— Зови меня Энди! — мальчик запрыгал на месте, покраснев от злости, но, видимо, чего-то опасаясь, не решился подойти ближе.

Ду Цзыюй скривил губы в злобной улыбке:

— Я вообще-то больной.

— Мерзавец! — мальчик бросил на него яростный взгляд, огляделся и, заметив Гу Чу, замер. Он сделал несколько шагов вперед и сел напротив, с любопытством разглядывая его: — Привет, ты брат Гу? — голос у него был такой чистый, что вызывал невольную симпатию.

Гу Чу был удивлен такой мгновенной переменой в настроении мальчика. Он улыбнулся и кивнул:

— Да, я Гу Чу.

Приглядевшись, он заметил глубокие черты лица, типичные для западной внешности, при этом подбородок и губы были совсем маленькими. Мягкие каштановые волосы топорщились в разные стороны.

Мальчик указал на себя и с серьезным видом произнес:

— Меня зовут Энди.

— Где твоя мама? — Ду Цзыюй выглянул в коридор.

Энди нетерпеливо обернулся и буркнул:

— Сзади идет. Ду Цзыюй, ты можешь хоть раз вести себя спокойно? Ты постоянно заставляешь маму волноваться.

— Ого, Ду Цзытэн, ты погляди, какой стал! Уже дядю учишь? — Ду Цзыюй был так зол, что руки у него дрожали.

— Мама месяц пахала, только собралась в отпуск, как позвонила бабушка и сказала, что тебя сбили. Она тут же все бросила и приехала, — Энди говорил с таким поучительным видом, что это было одновременно и смешно, и грустно.

Бабушку Энди, мать Ду Цзыюя, Гу Чу видел пару раз. Это была женщина с потрясающей статью, в которой сквозили элегантность и спокойствие. К сыну она относилась сдержанно, лишь легкая тень беспокойства омрачала ее лицо. С Гу Чу она всегда была вежлива, но никогда не заговаривала.

Ду Цзыюй говорил, что у нее такой характер, и просил не обращать внимания.

Увидев Ду Синьяо, сестру Ду Цзыюя, Гу Чу удивился — лицо было знакомым. Хотя она из другой сферы, он не раз видел ее в прессе как всемирно известную виолончелистку. Теперь он понял, почему мать Ду Цзыюя казалась ему знакомой.

Ду Синьяо была очень похожа на мать, но в отличие от нее, была куда дружелюбнее. Она поблагодарила Гу Чу с такой искренностью, что ему стало неловко — ведь Ду Цзыюй пострадал из-за него.

Пока Гу Чу беседовал с Ду Синьяо, Энди уже забрался к Ду Цзыюю и принялся его дразнить, а тот, вздув вены на лбу, отбивался от нападок, ведя себя совершенно по-детски.

— В общем, поправляйся и не заставляй маму переживать, — сказала напоследок Ду Синьяо и увела Энди, который продолжал огрызаться.

Ду Цзыюй наконец вздохнул:

— Наконец-то этот маленький дьявол ушел...

Гу Чу рассмеялся:

— Редко увидишь режиссера Ду в таком положении.

— Не напоминай, этот малец — мой злейший враг! — Ду Цзыюй откинулся на подушки, заложив руки за голову, и с блеском в глазах посмотрел на Гу Чу. — Слушай, ты ведь только что подумал, какие же неудачливые родители дали ребенку имя, означающее Боль в животе?

Гу Чу промолчал. Именно это он и подумал, услышав имя.

— На самом деле, наша семья тоже считает это имя странным... — вздохнул Ду Цзыюй. — Все началось с того, что сестра рожала его очень тяжело. Ребенок родился слабым, худеньким, постоянно болел. Вся семья сходила с ума от беспокойства. Дед тогда нашел какого-то гадалщика... да, именно то, о чем ты подумал. Дед был суеверен. Тот и дал ему такое имя. Бабушка долго спорила, но дед настоял на своем. Так и прижилось. В детстве Энди не придавал этому значения, а потом, когда стал постарше и пожил за границей, понял, как это звучит, и потребовал, чтобы все звали его только по-английски.

<http://bllate.org/book/21659/2234995>